

УДК 930.1

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ В 40–50-е ГОДЫ XX ВЕКА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

B.B. Сашанов

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, 454001, Россия
Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, г. Челябинск, 454091, Россия

Аннотация

Статья посвящена малоизученному на настоящий момент вопросу возрождения и институционального развития советского византиноведения в 40–50-е годы XX в. На основе архивных материалов исследуется деятельность группы по истории Византии во главе с Е.А. Косминским, которая была создана при Академии наук в 1943 г. и преобразована в сектор византиноведения в 1955 г. Рассматриваются способы самоорганизации историков-византинистов, особенности созданных ими организационных структур и научной периодики («Византийского временника» и «Византийского сборника»). Показывается влияние идеологических кампаний 1947–1949 гг. на развитие как самих журналов, так и научного сообщества византинистов в целом. Особое внимание уделяется проблеме руководства группой. Изучение процесса институционализации мыслится в качестве одного из первых подступов к проблеме советской византистики, в связи с чем ставится вопрос её дальнейшего изучения.

Ключевые слова: история исторической науки, советское византиноведение, Византийский временник, Б.Т. Горянов, Е.А. Косминский

Институциональное оформление советского византиноведения началось в первой половине 40-х годов XX в. в ситуации глубокого кризиса, в котором оказалась отечественная византистика в первые два десятилетия советской власти. Наиболее тяжёлым периодом можно считать конец 20-х – 30-е годы, когда после смерти Ф.И. Успенского¹ история Византии окончательно утратила актуальность для формирующейся советской исторической науки. Научные достижения дореволюционных византинистов, поднявших эту дисциплинарную отрасль на высокий уровень, были подвергнуты уничтожительной критике. Само византиноведение уподоблялось «разбитому корыту» (ДЛРВ, с. 231) и считалось политически скомпрометированным (ПИВ, с. 18). Лишь в период Великой Отечественной войны, когда происходит переориентация государственной идеологии, выраженная обращением к таким темам, как славянство и церковь, византиноведение получает государственную поддержку и закрепляется в рамках академических структур советской науки.

¹ Успенский Фёдор Иванович (1845–1928) – историк-византирист, академик. После революции стал неофициальным руководителем российского византиноведения.

Интерес к теме институционального становления и развития византистики в 40–50-е годы обусловлен слабой изученностью вопроса. Советские историки стали обращаться к истории византиноведения в СССР с 60-х годов чаще всего в связи с юбилейными датами (см., например, [1–3]). В большинстве случаев историографический подход не выходил за рамки традиционной для того времени проблемной историографии, а потому история формирования первых организационных форм возрождающейся области исторического знания не получала детального освещения. Факты создания византиноведческих центров, кафедр, научных групп и журналов ограничивались лишь хронологическим фиксированием.

Кроме того, изучая историографию вопроса, исследователь сталкивается с проблемой «географического фактора». Речь идёт о том, что большее внимание историографы уделяют ленинградскому византиноведению, имеющему богатые дореволюционные традиции. История же создания нового – московского – византиноведения, формируемого с 1943 г. в качестве общесоюзного центра, оказалась в большинстве случаев за пределами их интересов. Несомненно, такой подход обусловлен объективными причинами: несмотря на опальные для этой дисциплины 30-е годы, ленинградские византисты продолжали свои исследования, опираясь на опыт историков петербургской традиции. Поэтому не случаен тот факт, что большая часть работ по истории Византии в довоенный период принадлежала ленинградским историкам. Формирование же московского византиноведения в трудах специалистов, например мэтра историографии медиевистики О.Л. Вайнштейна (1894–1980) [2], а также М.В. Левченко (1890–1955) [4] и Г.Л. Курбатова (1929–2003) [5], представлено в самых общих чертах.

Сожалением можно констатировать, что на современном этапе развития исторической науки внимание к обсуждаемым в статье проблемам ещё более снизилось. Такой историографический феномен, как советское византиноведение, фактически выпал из исследовательского поля российских историков. В постсоветский период заметен некоторый подъём интереса к наследию дореволюционных историков-византинистов², но собственно процесс развития советского византиноведения, в том числе московский его этап, на наш взгляд, не рассматривается историографами как актуальный. Из современных работ по интересующему нас аспекту можно выделить лишь статью С.А. Иванова (р. 1956) [6], который изучает византиноведение в СССР сквозь призму идеологической политики властей.

Полагая, что в исследовании такого сложного исторического феномена, как советское византиноведение, существует множество историографических лакун, обратимся к наименее освоенному аспекту – институциональному. В то же время отметим: научное сообщество советских византинистов как объект историографического изучения ещё ожидает исследовательских разработок в рамках антропологического, коммуникативного и других подходов.

² Активно в этой области работают петербургские историки под руководством члена-корреспондента РАН И.П. Медведева (р. 1935), выпустившие в 1995–2003 гг. трёхтомное издание, посвящённое архивам русских византинистов.

Начало институциональных преобразований в изучаемой области знания приходится на ноябрь 1943 г.³, когда в условиях общей структурной реорганизации Института истории АН СССР была создана группа по истории Византии [6, с. 246] во главе с известным медиевистом Е.А. Косминским (1886–1959). В первые несколько лет существования группы в её состав, помимо самого руководителя, входили Б.Т. Горянов (1897–1977), Н.В. Пигулевская (1894–1970), М.В. Левченко (1890–1955), Е.Э. Липшиц (1901–1990). Лишь двое из них – Е.А. Косминский и Б.Т. Горянов – были москвичами, остальные, включая участившую в работе группы Е.Ч. Скржинскую (1894–1981), являлись ленинградцами.

Если обратиться к области профессиональных интересов членов группы, то лишь ленинградских историков, получивших учёные степени за исследования по проблемам истории Византии, можно считать состоявшимися византинистами. Руководитель группы Е.А. Косминский, с 30-х годов и до своей смерти в 1959 г. прилагавший большие усилия по возрождению византистики в СССР, специалистом в этой области не был; сфера его основных интересов лежала в области аграрной истории средневековой Англии. Однако заметим: при отсутствии у него публикаций, посвящённых истории Византии, он тем не менее выступал с общими докладами по данной проблематике на всесоюзных византиноведческих сессиях⁴. Более того, именно под его руководством были защищены диссертации по истории Византии З.В. Удальцовой (1918–1987), А.П. Кажданом (1922–1997), М.М. Фрейденбергом (1924–2007) и др. Уникальность такого положения лишь подчёркивает неординарность и выдающиеся организаторские качества личности Е.А. Косминского.

Второй москвич – Б.Т. Горянов, имея педагогическое образование и на протяжении 30-х годов занимаясь по большей части журналистской деятельностью, лишь в 1939 г. поступил в аспирантуру Института истории и принялся за изучение истории Византии.

Со второй половины 40-х годов группа начинает пополняться представителями молодого поколения советских византинистов, которые, будучи ещё аспирантами при Институте истории, уже активно подключались к работе. Помимо вышеперечисленных учеников Е.А. Косминского, можно назвать имена К.А. Осиповой (1925–1988), Г.Г. Литаврина (1925–2009). Воспитание новых кадров привело к постепенному количественному уменьшению ленинградцев, а к середине 50-х годов москвичи окончательно выходят на лидирующие позиции в группе.

Первое заседание группы состоялось 11 ноября 1943 г., на нём Е.А. Косминским были обозначены основные задачи научного и организационного развития византиноведения в СССР (ВГИ, с. 373). Протоколы первых заседаний не сохранились, однако имеется годовой отчёт о работе группы за 1943 г. (НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 14–15), в котором сформулированы перспективы развития советской византистики.

³ В 1939 г. при Ленинградском отделении Института истории уже была образована византийская группа, однако она объединяла силы местных византинистов и не имела общесоюзного статуса.

⁴ К их числу можно отнести, например, доклад «Византия и Запад», который был прочитан Е.А. Косминским в 1944 г. на сессии Отделения истории и философии АН СССР, посвящённой истории Византии.

Главнейшей задачей стало возрождение научно-исследовательской работы по истории Византии. Её предполагалось осуществлять в нескольких направлениях, связанных с изучением русского византиноведения и его наследия, а также с исследованием исторических связей Византии с Русью и славянскими народами, Закавказьем, Востоком, Западной Европой. Отдельно была обозначена идея создать комплекс монографий в соответствии с интересами членов группы.

Помимо научно-исследовательской работы, перед группой стояли широкие организационные задачи по восстановлению византиноведения в СССР. В первую очередь необходимо было выявить наличные кадры византинистов в СССР и установить с ними связи. Известно, что часть талантливых специалистов после революции оставила свои исследования и работала не по профилю⁵. Принципиально важной признавалась также подготовка новых кадров, в том числе посредством организации аспирантуры и докторантуры.

Большое значение придавалось работе с книжным и рукописным фондом по истории Византии, в том числе с целью выявить неопубликованные рукописи и изучить наследие дореволюционных русских византинистов. Итогом работы должно было стать создание кабинета по истории Византии в составе Библиотеки АН СССР.

В числе актуальных задач для функционирования формирующегося научного сообщества византинистов было и возрождение периодических изданий по истории Византии.

Сформулированные группой цели и задачи с разной степенью успеха выполнялись на протяжении двенадцати лет, вплоть до 1955 г., когда процесс институционализации советского византиноведения завершился созданием сектора византиноведения.

Обратимся к важнейшему элементу функционирования новой институции – выпуску научной продукции в виде периодических изданий, являющихся основным механизмом трансляции создаваемого научного знания. Поставленная задача подразумевала возобновление прекращённого в 1928 г. издания журнала «Византийский временник». Анализируя имеющиеся документы, можно прийти к выводу, что изначально не ставился вопрос об основании нового, советского византиноведческого журнала. Рассматривая себя продолжателями лучших традиций русского византиноведения, советские византинисты посчитали целесообразным возобновить издание журнала, ещё до революции завоевавшего почетное место в мировой науке (ОР, с. 7).

«Византийский временник», ставший с 1947 г. постоянным печатным органом, прошёл непростой путь становления, выдержав конкуренцию с опубликованным в 1945 г. «Византийским сборником». Последний был подготовлен ещё в 1940 г. византийской группой Ленинградского отделения Института истории, однако обстоятельства военного времени задержали его выход в свет (ЗСВ, с. 11). В редакционной статье по поводу издания «Византийского сборника» указывалось: «Предполагается периодический выпуск этих сборников, вокруг которых и должны объединиться наличные кадры советских византинистов» (ЗСВ, с. 6).

⁵ Ярким примером служит судьба М.Я. Сюзюмова (1893–1982), талантливого молодого византиниста, вынужденного в 1920–1930-е гг. работать учителем в школе.

Первые несколько лет существования московской группы свидетельствуют о том, что историки имели возможности для реализации заявленной идеи. В отчёте за 1943 г. Е.А. Косминский, ставя задачу возрождения периодических изданий, говорит именно о сборниках и указывает на то, что вёрстка одного уже закончена, планируется подготовка второго и третьего (НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 14)⁶. В соответствии с планом публикаций Института истории в 1945 г. должен был выйти уже второй выпуск сборника (АРАН. Ф. 457. Оп. 1а (1944). Д. 53. Л. 39). Первый советский сборник по истории Византии был тепло встречен научным сообществом. Отдельные замечания, в первую очередь касающиеся оформления научных текстов, не портили общего впечатления от издания, появление которого названо выдающимся фактом, знаменующим возобновление работ по византиноведению (РВС).

Несмотря на положительные в целом характеристики первого выпуска, «Византийскому сборнику» всё же не удалось закрепиться в качестве печатного органа советского византиноведения. Выскажем предположение, что ключевым фактором такого результата выступило время: подготовленный в 1940 г., а изданный в 1945 г. сборник не вписывался в общую парадигму представлений советских византинистов середины 40-х годов. Короткий период с 1943 г. и до выхода в свет в 1947 г. первого номера «Византийского временника» характеризуется относительной свободой как в выборе стратегии развития научного сообщества, так и в отношении историков-византинистов к дореволюционному наследию византиноведения. Новый этап развития не мыслился историками без опоры на лучшие традиции «старого» византиноведения (ОР, с. 5). Подготовленный ещё до Второй мировой войны «Византийский сборник», выдержаный в духе марксистского византиноведения, не соответствовал послевоенным настроениям в сообществе византиноведов и уступил своё место «Византийскому временнику».

Обратимся к истории создания «Византийского временника». Уже в 1945 г. на всесоюзной сессии византинистов, посвящённой столетию со дня рождения Ф.И. Успенского, Е.А. Косминский выступил с предложением возродить «Византийский временник». Он подчёркивал, что само его название является напоминанием о «славной традиции русского византиноведения и крупным стимулом» к её продолжению (АРАН. Ф. 457. Оп. 1. (1945–1956). Д. 15. Л. 8). Предложение Косминского было поддержано, и по итогам работы сессии было принято решение «возобновить издание… под общим наименованием “Византийский временник”» (СОИФ, с. 371). Уже к концу 1945 г. материалы были подготовлены и сданы в издательство (НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 264. Л. 6)⁷.

Характерно, что первый том «Византийского временника» был целиком посвящён памяти Ф.И. Успенского. Дань заслугам советских византинистов и дореволюционному византиноведению не только определила внутреннее содержание издания, но и сказалась на его внешнем облике. К советской нумерации была

⁶ В то же время мы не исключаем варианта, при котором слово «сборник» употребляется в расширенном толковании и под ним могут подразумеваться иные издания.

⁷ Столь быстрая, уже через несколько месяцев после решения о возобновлении издания, сдача в редакцию подготовленного тома может объясняться тем, что запланированный к выходу в 1945 г. второй выпуск «Византийского сборника» должен был быть посвящён памяти Ф.И. Успенского.

добавлена сквозная, с учётом ранее вышедших томов. Название по традиции дореволюционного издания было продублировано на греческом языке.

Появление первого тома «Византийского временника» совпало с разворачивающейся в стране антикосмополитической кампанией, драматическим образом отразившейся на развитии советского византиноведения. В наши задачи не входит подробное изучение данного вопроса, обозначим лишь основные события и их влияние на институциональное становление «Византийского временника» и византиноведения в целом.

В свете раскручивающейся кампании 28 октября 1947 г., буквально вслед за выходом первого тома, состоялось заседание группы, на котором журнал подвергся критическому обсуждению. Существенным недостатком было признано не вполне чёткое разграничение между дореволюционным и советским византиноведением. Наиболее критичным стало выступление А.Б. Рановича (1885–1948), заявившего, что «Византийский временник не имеет советского лица», и призвавшего «размежеваться со старым византиноведением, ибо старый византизм был до известной степени символом реакции» (НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 402. Л. 18–19). В то же время многие выступающие⁸ подчёркивали высокий научный уровень журнала в целом (НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 402. Л. 17–35).

Спустя год, в октябре 1948 г., на заседании сектора истории средних веков первый том вновь подвергся ещё более суровой критике. Основной её мишенью стала редакционная статья, раскритикованная за излишнее восхваление и «преклонение» перед старым византиноведением. Историки были обвинены в буржуазном влиянии и проведении буржуазной идеологии (НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 26 об.).

Прошедшее 23 марта 1949 г. печально известное объединённое заседание сектора истории средних веков Института истории и кафедры истории средних веков МГУ, посвящённое вопросу борьбы с буржуазным космополитизмом в исторической науке, нанесло наиболее сильный удар как по византинистике, так и по медиевистике в целом. Безрассудной критике подверглась не только редакционная статья журнала, но и работы Б.Т. Горянова – еврея по национальности. Общий лейтмотив критических нападок заключался в шаблонном обвинении: «антипатриотические идеи буржуазного космополитизма проникли в советское византиноведение» (НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 535. Л. 22).

Идеологические кампании 1947–1949 гг. негативным образом отразились на развитии «Византийского временника». Исправление «ошибок» первого выпуска задержало выход в свет последующих номеров. Изменился и облик издания: с обложки исчез заголовок на греческом языке и убрана сквозная нумерация, которая отныне шла от первого советского тома. Поменялся шрифт, римские цифры сменились на арабские. Визуальные новации носили важный символический характер, свидетельствующий об ином векторе развития как издания, так и советского византиноведения в целом: тема наследия дореволюционной византинистики, её принципов фактически ушла со страниц научной продукции советских историков.

⁸ Среди них Е.А. Косминский, А.П. Каждан, Н.В. Пигулевская, Б.Т. Горянов.

Перейдём к рассмотрению другой задачи, стоявшей перед византиистами в их работе по возрождению византиноведения в СССР, а именно к вопросу создания кабинета по истории Византии при Библиотеке Академии наук и тесно связанной с ним проблеме выявления наследия русских византистов.

Выступая в 1945 г. на сессии, посвящённой памяти Ф.И. Успенского, Е.А. Косминский озвучил задачу издания трудов классиков русской византистики – В.Г. Васильевского (1838–1899), Ф.И. Успенского (1845–1928), В.В. Латышева (1855–1921) (АРАН. Ф. 457. Оп. 1. (1945–1956). Д. 15. Л. 7). «Труды» В.Г. Васильевского и «История Византийской империи» Ф.И. Успенского, начавшие издаваться ещё до революции, прекратили свой выход в конце 20-х годов: в 1927 г. была опубликована первая часть второго тома «Истории Византийской империи», в 1930 г. вышел четвёртый том «Трудов». Изначально советскими византиистами предлагалось полное переиздание сочинений указанных авторов (НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 358. Л. 4), но в силу большого объёма этот замысел пришлось скорректировать, в итоге было решено лишь продолжить начатые издания. Однако из всего запланированного удалось выпустить только третий том фундаментального труда Ф.И. Успенского⁹. Дальнейшим издательским планам группы помешали идеологические кампании, в результате которых обращение к наследию русских византистов было признано неактуальным и нецелесообразным¹⁰.

Как и издание трудов, организация кабинета по истории Византии также потерпела неудачу. Несмотря на поставленную ещё в 1943 г. задачу, долгие годы византисты не возвращались к этому вопросу. Лишь в 1952 г. Б.Т. Горянов выступает с инициативой создания кабинета славяноведения и византиноведения АН СССР. В своём обращении он, в частности, указывает на то, что коллекция греческих и славянских рукописей Государственного исторического музея – основного московского хранилища данных источников – после 1917 г. больше не пополнялась. Историк также подчёркивает, что имеющиеся рукописи, в силу отсутствия средств, находятся в условиях ненадлежащего хранения и ухода. Сетовал Горянов и на аналогичную ситуацию в библиотеке Московского университета. По его мнению, требуется сосредоточить рукописный фонд в одном здании, которое бы соответствовало правилам хранения исторических документов, что даст возможность развивать в Москве палеографическую науку. Однако Отделение истории и философии АН СССР не поддержало инициативу Б.Т. Горянова, отметив: названные в обращении хранилища не входят в систему Академии наук (АРАН. Ф. 457. Оп. 1. (1945–1956). Д. 217. Л. 9–11).

Отказ в организации кабинета по истории Византии на долгие годы затруднил решение актуальной для московских византистов проблемы – разрозненности и слабой пополнемости коллекции греческих рукописей. Москва, не имевшая до советского времени традиций изучения истории Византии, заметно уступала ленинградскому собранию рукописных фондов, в связи с чем

⁹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. III. М.; Л. 1948. Заметим, что вторая часть второго тома в советское время так и не была опубликована, а возобновление издания началось с третьего тома.

¹⁰ Вышедший в 1930 г. четвёртый том «Трудов» В.Г. Васильевского так и остался последним. Запланированное издание пятого тома осуществлено не было.

московским исследователям приходилось периодически посещать Ленинград для работы с источниками.

Ходатайство Б.Т. Горянова подтверждает, на наш взгляд, наличие ещё одной проблемной ситуации, о которой нам стало известно лишь после работы с личным фондом Е.А. Косминского в Архиве РАН. Речь идёт о возникшем в начале 50-х годов вопросе относительно руководства группой по истории Византии.

Переписка по созданию кабинета византиноведения свидетельствует о том, что по поводу создания новой структурной единицы в различные инстанции обращался Б.Т. Горянов, старший научный сотрудник АН СССР, в то время как подобные инициативы входят в компетенцию руководителя группы. В этой связи нами не исключается ситуация, при которой в конце 1952 г. у группы могло не быть руководителя либо решался вопрос о его назначении. Кроме того, в фонде Е.А. Косминского имеется заявление, в котором Евгений Алексеевич просит дирекцию Института истории освободить его как от руководства группой истории Византии, так и от обязанностей ответственного редактора «Византийского временника» (РАН. Ф. 1514. Оп. 2. Д. 5. Л. 18). Основанием служила крайняя перегруженность, поскольку на него были возложены ещё и обязанности главного редактора советского англоязычного журнала «News». На заявлении отсутствует резолюция, а решение дирекции на данный момент не обнаружено, поэтому затруднительно говорить, осуществлял ли Е.А. Косминский свои обязанности далее или нет.

Инициатива Б.Т. Горянова по созданию кабинета, а также ходатайство в 1953 г. президенту АН СССР о создании сектора византиноведения, подписанное М.В. Левченко, чью кандидатуру предложил Косминский на своё место, позволяют высказать предположение, что Косминский всё же мог оставить этот пост. В то же время за 1952–1954 гг. пока не найдено ни одного документа, который был бы подписан М.В. Левченко как руководителем группы. Нет упоминаний о руководстве Левченко и в посвящённых ему биографических работах. Между тем имеется протокол заседания сектора истории средних веков по итогам 1954 г., в котором говорится, что Е.А. Косминский долгое время болел (НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1024. Л. 3). В связи с этим нами не исключается ситуация, когда не отличающийся сильным здоровьем Е.А. Косминский фактически отошёл на какое-то время от руководства группой, формально сохраняя эту должность.

Несмотря на отдельные неудачи и проблемы с руководством группой по истории Византии, к середине 50-х годов она достигла качественных результатов в своём развитии. У группы был собственный печатный орган – «Византийский временник», к концу 40-х годов налажены подготовка и выпуск аспирантов, что решало кадровый вопрос. Установились прочные связи с византистами Ленинграда, Еревана, Тбилиси, Свердловска, проводились ежегодные всесоюзные византиноведческие сессии. Можно с уверенностью говорить, что институциональное оформление группы византистов выглядело более результативным по сравнению с другими секторами АН СССР. Достигнутые успехи позволили группе претендовать на её реорганизацию в отдельный сектор в рамках Академии наук.

Первые попытки реорганизации группы были предприняты ещё в 1952 г., когда директор Института истории академик Б.Д. Греков ходатайствовал перед Президиумом АН СССР о создании сектора византиноведения (АРАН. Ф. 457. Оп. 1. (1945–1956). Д. 217. Л. 4–5). На следующий год с аналогичным предложением выступил М.В. Левченко (АРАН. Ф. 457. Оп. 1. (1953). Д. 274. Л. 11–12). Он подчёркивал, что изучение истории Византии тесно связано с исследованием истории всей Восточной Европы, народов СССР, стран народной демократии. Однако руководство Академии наук, признавая в целом целесообразность создания сектора, ходатайство отклонило, мотивировав это необходимостью «усилить, в первую очередь (подчёркнуто в документе. – *B.C.*), такие актуальные и запущенные в И-те истории сектора, как советский и и-т новейшей истории»¹¹ (АРАН. Ф. 457. Оп. 1. (1953). Д. 274. Л. 19).

Лишь в 1955 г., когда Е.А. Косминский оправляется от болезни и постепенно включается в дела группы, подаётся новое ходатайство, которое поддерживается руководством Института истории: в мае 1955 г. на заседании Учёного совета было принято постановление о целесообразности создания сектора по истории Византии под руководством Е.А. Косминского (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 347. Л. 109)¹².

К концу года, после прохождения всех процедур и согласований, на заседании 13 декабря 1955 г. Бюро Отделения исторических наук «в целях устранения недостатков в области изучения Византии и русско-византийских связей» одобряет эту инициативу (НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1050. Л. 22–23). Президиум Академии наук утверждает решение Бюро 16 марта 1956 г. (АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 214. Л. 58).

Создание в 1955 г. сектора византиноведения завершило процесс институционализации советской византинистики. Пройденный ею за достаточно короткий срок путь имел сложную траекторию, определившую его дробную периодизацию, ключевую роль в которой сыграли идеологические кампании. Если в середине 40-х годов советское византиноведение мыслилось как прямой наследник лучших традиций дореволюционной науки, то к середине 50-х годов в связи с появлением марксистского проекта советской науки эта дисциплинарная отрасль была переориентирована на полный разрыв с прошлым научным опытом.

Процесс институционализации этой возрождаемой дисциплины, тесно переплетённый с общественным развитием страны, вне всякого сомнения, требует дальнейшего изучения. Строгие рамки статьи позволили нам представить лишь отдельный фрагмент из истории такого сложного историографического феномена, как советское византиноведение в условиях 40–50-х годов XX в.

Источники

- ДЛРВ – *Лозовик Г.Н. Десять лет русской византологии (1917–1927)* // Историк-марксист. – 1928. – Т. 7. – С. 228–238.
ПИВ – *Шмит Ф.И. Политика и византиноведение* // Сообщения ГАИМК. – 1932. – № 7–8. – С. 6–23.

¹¹ Здесь и далее в работе орфография и пунктуация сохраняются в соответствии с оригиналом. – *B.C.*

¹² Подробнее о вопросе руководства создаваемого сектора см. [7].

- ВГИ – Удальцова З.В. Византийская группа Института истории АН СССР // Византийский временник. – 1947. – Т. I (XXVI). – С. 373–377.
- ОР – От редакции // Византийский временник. – 1947. – Т. I (XXVI). – С. 3–7.
- ЗСВ – Левченко М.В. Задачи современного византиноведения // Византийский сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – С. 3–11.
- РВС – Скрягинская Е.Ч. [Рец. на Византийский сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – 274 с.] // Вестн. АН СССР. – 1946. – № 5–6. – С. 120–125.
- СОИФ – Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР, посвящённая памяти Ф.И. Успенского // Византийский временник. – 1947. – Т. I (XXVI). – С. 370–371.
- НА ИРИ РАН – Научный архив Института российской истории Российской академии наук. Ф. 1. Институт истории АН СССР. Оп. 1. Управленческая документация 1936–1956 гг.
- АРАН – Архив Российской академии наук. Ф. 2. Секретариат Президиума Российской академии наук. Ф. 457. Отделение истории РАН. Ф. 1514. Косминский Евгений Алексеевич (1886–1959). Ф. 1577. Институт истории Академии наук СССР.

Литература

1. Соколов Н.П. Сорок лет советского византиноведения. – Горький: Изд-во Горького гос. ун-та, 1959. – 51 с.
2. Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики. 1917–1966. – Л.: Наука, 1968. – 424 с.
3. Удальцова З.В. Советское византиноведение за 50 лет. – М.: Наука, 1969. – 362 с.
4. Левченко М.В. Византиноведение в СССР // Учён. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. Ист. наук. – 1949. – Вып. 14, № 112. – С. 216–236.
5. Курбатов Г.Л. История Византии (историография). – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1975. – 256 с.
6. Иванов С.А. Византиноведение и власть в СССР (1928–1948) // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы: Сб. ст. – М.: Ин-т славяноведения, 1995. – С. 244–254.
7. Сашанов В.В. От группы к сектору: неизвестные страницы советского византиноведения (к публикации писем Е.А. Косминского З.В. Удальцовой) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. История. – 2015. – Вып. 66, № 24. – С. 210–214.

Поступила в редакцию
25.11.15

Сашанов Владимир Владимирович, аспирант кафедры истории России и зарубежных стран; научный сотрудник

Челябинский государственный университет
ул. Братьев Кашириных, д. 129, г. Челябинск, 454001, Россия
Центр историко-культурного наследия г. Челябинска
ул. Коммуны, д. 69, г. Челябинск, 454091, Россия
E-mail: sashanov.hist@mail.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 3, pp. 840–850

Formation of Soviet Byzantine Studies in the 1940–1950s: Institutional Aspect

V.V. Sashanov

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, 454001 Russia
Center of Historical and Cultural Heritage of the City of Chelyabinsk,
Chelyabinsk, 454091 Russia
E-mail: sashanov.hist@mail.ru*

Received November 25, 2015

Abstract

The paper is devoted to the little-studied issue of revival and institutional development of Soviet Byzantine studies in the 1940–1950s. The research is based on archival materials and studies of the group on the history of Byzantium supervised by E.A. Kosminskii that was established by the Academy of Sciences in 1943 and reorganized into the sector of Byzantine studies in 1955. The ways of self-organization of historians of Byzantium, characteristics of the organizational structures created by them and scholarly periodicals (“Vizantiiskii Vremennik” (Annals of Byzantium) and “Vizantiiskii Sbornik” (Byzantine Collection)) are discussed. The influence of the ideological campaigns of 1947–1949 on the development of journals and the community of Byzantinists on the whole is revealed. Special attention is paid to the problem of group management. The process of institutionalization is considered as one of the first approaches to the problem of Soviet Byzantine studies. Thus, the problem of its further investigation is raised.

Keywords: history of historical science, Soviet Byzantine studies, “Vizantiyskiy Vremennik” (Annals of Byzantium), B.T. Goryanov, E.A. Kosminskii

Для цитирования: Сашанов В.В. Становление советского византиноведения в 40–50-е годы XX века: институциональный аспект // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 3. – С. 840–850.

*For citation: Sashanov V.V. Formation of Soviet Byzantine studies in the 1940–1950s: Institutional aspect. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 3, pp. 840–850. (In Russian)*